



© Е.И.КАЛИКИНСКАЯ, 2014
УДК 617(092 Юдин) «1914–1918»

С.С.Юдин в годы Первой мировой войны

КАЛИКИНСКАЯ Е.И., кандидат биологических наук (vladimir-chepyzhov@yandex.ru)

Издательство «Авторская Академия», Москва

В статье на основе архивных документов Научно-исследовательского отдела рукописей Российской государственной библиотеки рассказывается об относящемся к 1914–1916 гг. периоде биографии выдающегося русского хирурга Сергея Сергеевича Юдина (1891–1954). Часть писем С.С.Юдина впервые вводится в научный оборот.

К л ю ч е в ы е с л о в а: военная медицина России в период Первой мировой войны 1914–1918 гг., С.С.Юдин, помощь раненым на войне.

Kalikinskaya E.I. – S.S.Yudin during the First World War. The article is devoted to famous Russian surgeon Sergei Sergeevich Yudin (1891–1954) and his life during 1914–1916. The article is based on a great collection of documents stored in Manuscripts Department of the Russian State Library.

K e y w o r d s: military medicine in Russia during the First World War 1914–1918, S.S.Yudin, emergency aid to wounded during war.

Не всем известно, что выдающийся российский хирург, академик АМН СССР Сергей Сергеевич Юдин начал свою медицинскую деятельность на фронтах Первой мировой войны. И если своего блистательного хирургического мастерства он достиг в конце 1920-х годов, то к обязанностям врача впервые приступил в действующей армии в самом начале войны, в августе 1914 г. Будучи студентом медицинского факультета Императорского Московского университета, Юдин добровольцем отправился в составе отряда Красного Креста на Западный фронт.

Передовые отряды Красного Креста направлялись в действующую армию, чтобы оказывать помощь раненым, о чем в самом начале сентября 1914 г. сообщается в письме С.С.Юдина родителям. Он полон энтузиазма и какого-то мальчишеского задора. Новобранец оценивает силы противника и преимущества Русской армии, всерьез старается успокоить родителей, пишет о том, что положение его совершенно безопасно, никто из врачей не ранен и т. д. Конечно, месторасположение адресата в «треугольниках», посланных с фронта, не указывалось.

«...Наконец мы в деле. Воюем с австрийцами, немцами, чехами, венграми, поляками (австрийскими). Очень злы немцы и венгры. Они же хорошие стрелки и ярые вояки. Остальные – хлам, только и думают, как бы сдать. К тому же подлецы: поднимают руки вверх и, когда наши подбегают к ним и в погоне за дальнейшим не успевают обезоружить их, то первыми стреляют. Вообще все бои в нашем районе страшно кровопролитны. Все это совершается удивительно спокойно: наши сидят в траншеях и они тоже, и лупят друг друга то из пулеметов, то из орудий. И лишь тогда, когда чьи-нибудь части неосторожно выйдут, то беда... Из нас врачей и наших санитаров пока никто не ранен. Дел нам масса, пока нисколько не переутомляюсь...»¹ (от 1 сентября 1914 г.).

Об этом периоде позднее рассказал в своих воспоминаниях родной брат С.С.Юдина – Пётр Сергеевич: «В августе 1914 г., в первые же дни войны с Германией, С.С.Юдин, еще будучи студентом, добровольцем отправился в действующую армию и был зачислен в Гвардейский корпус, который в первые месяцы войны сражался в районе Люблин-Холм (на Краковском направлении). Сергей Сергеевич находился на передовых частях войск, не раз выполнял свою работу младшего врача, которую почитал своим священным и почетным долгом, под непосредственным обстрелом, за что был награжден медалью с надписью “За храбрость”» [2].

¹ Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ), ф. 580, карт. 2, л. 17, л. 4.



В письмах к родным Сергей Сергеевич изображает военные будни чем-то совершенно безобидным, не забывает каждый раз подчеркнуть, что с ним все в порядке (так же почти не рискуют и добрые знакомые, оказавшиеся с ним рядом, напр. А.А.Рар – поручик 3-й Гренадерской артиллерийской бригады, «прекрасно устроен на фронте» и, стало быть, его жене волноваться не о чем). Но когда Юдин узнает о желании отца и брата навестить его в части, тон его из благобно-утешительного становится резким и властным. Он почти что запрещает поездку, в черных красках описывает климатические капризы, оговаривается о том, что едва не разболелся все-рез, напоминает об опасности попасть под обстрел, о секретности и бюрократических сложностях. И тут же с глубокой признательностью благодарит за посылки, которые не получил. В этом весь Сергей Сергеевич, с его самоотверженностью, добротой, заботой о близких.

«...Что меня перепугало не меньше, а гораздо больше тебя, так это намерения отца и брата. Чтобы они и думать об этом забыли!!! Это положительно невозможно. Это безумие, не имеющее ни почвы, ни смысла, ни могущее повлечь отчаянные результаты. Сейчас здесь типичная польская зима. Снег выпадет – растает. Сильный пронизывающий ветер. То вдруг 15 мороза, то 7–8 выше нуля. Для папиных легких и Петиных ног это – зарез. Не хочу тебя пугать, но у меня и то уже одно время пахло ревматизмом, только врачи да и я сам вовремя приняли меры, которые вообще можно принять на передовых позициях. Я глотал салицилку и не выезжал в окопы, слава Богу, обошлось... Я уже писал, что при современных условиях войны риск быть убитым так велик, что от него не может спасти даже нестреловая должность и глубокий тыл. При нередкой возникающих внезапных натисках, в обстрел... попадают обозы и второго разряда, и госпиталя, при этом обстреливается избирательно дорога. Неужели этих поводов недостаточно для людей, желающих испытать свою судьбу, не имея на то права!! Если бы они могли только представить, что здесь делается!!!

Что касается того, что папочка хочет ехать ко мне, то это не годится по двум причинам: во-первых, найти меня в армии крайне трудно, почти невозможно – ведь нас перебрасывают из губернии в губернию, с фронта на фронт. Во-вторых, я сам скоро приеду, уже двое моих товарищей уехали, уполномоченный и его старший помощник тоже ездили, теперь остается съездить старшему врачу, а с одним из младших врачей поеду и я... С острой душевной болью прочел о том, что Митя Кашкин убит... Но, Боже, до чего это естественно, прямо-таки неизбежно!.. Я сам неоднократно ходил на батарее, потому что это очень интересно и совсем безопасно. Шиты из орудий непроницаемы ни для пуль, ни для шрапнели, единственное, чем возьмут, так это гранатой, но ведь надо попасть. Офицерский окоп глубокий, часто с блиндажом, так что Александр Александрович, если только он не командует батареей и в силу этого занимает наблюдательный пункт – мало подвергнут опасности.

Очень благодарен за посылки, хотя до сих пор не получил ни одной... Ты пишешь, что мне дядя Ваня тоже послал посылку. Ну что за милый человек! Это до того трогательно, что я просто не нахожу слов выразить ему свои чувства...»² (от 13 декабря 1914 г.).

В этом же письме Сергей Сергеевич пишет, что хирургической работы у него сейчас мало, «зато во время одного из многих стояний мы открыли прямо клинику. С окрестных деревень стекались больные местные жители. Пришлось мне принимать роды. Очень тяжелое неправильное положение (выпадение ручки). Положение роженицы было отчаянное. Две дуры-бабки чуть не уморили ее. Пришлось сделать серьезную акушерскую операцию (поворот на ножку). Девочку я кое-как, с громадным трудом откачал, а мать совершенно поправилась из абсолютно безнадежного положения...»³

Через несколько дней Юдин поздравляет мать с Рождеством, дает яркое описание того, как отмечали этот праздник на фронте.

«Дорогая мамочка! Сейчас Рождественский сочельник. Порадую тебя тем, что сегодня мы все ели постное (за обедом суп из сушеных грибов и картофельные котлеты, за ужином зажаренных карпов). Сидим и ждем, какой сюрприз устроят нам немцы к празднику. В свое время на Рождество и на Новый Год немцы из окопов и в занятых ими деревнях выкинули белые флаги и наши не стреляли совсем. Только на Новый Год

² Там же, д. 14, л. 1–4.

³ Там же.



ровно в 12 ч.н... мы им послали гостиницу: все наши батареи дали «по очереди» по деревне, где в это время заведомо находились их штабы... Но залп был благородный — с большим перелетом. Был даже случай письменного взаимного поздравления между нашими и неприятельскими врачами передовых позиций... Такая тишина, что просто жутко. Наши окопались глубоко, хорошо, вырыты глубокие землянки, наложена солома, топятя печки, от которых и солдаты, и офицеры стали чернее арапов. Немецкие окопы хотя и близко, но не видны в густом тумане. В штабе дивизии — елка, накрыт стол, присланы подарки и если бы не несчастье, что немцы... случайно не узнали местоположение нашего штаба, все было бы хорошо. А то нет-нет, да и пустят гостиницу: 2 тяжелых британских снаряда как раз ударили во дворе — убило казака и переранило несколько лошадей. В Москву мне дюже хочется. Вероятно, с отпуском устроюсь. Пока же всех целую и поздравляю с праздником. P.S. Завтра пойду к обедне. Вторая православная церковь, которую вижу за всю войну»⁴ (от 24 декабря 1914 г.).

Но не все было так безмятежно. Сергей Сергеевич обнаружил, что обязательства Красного Креста по отношению к раненым в корпусе не выполняются, и вступил в конфликт с уполномоченным, пытаясь доказать свою правоту. Его поддержали врачи, но дело не сдвинулось с места.

«...Приведа уполномоченному целый ряд доводов и письменных к ним подтверждений, я сказал ему, что подам рапорт о том, что целый ряд обязательств Кр. Кр. (Красного Креста. — Авт.) не выполняется и что в таком запущенном состоянии дело может поправить лишь мое личное присутствие на месте, а потому требую себе отпуск. В противном случае я предупредил, что принужден буду действовать через себе уполномоченного по Северо-Западному фронту... Всею виной уполномоченный. Он создал в отряде такую атмосферу, что много раз дело могло кончиться большим скандалом. Только то, что врачи и студенты были необыкновенно дружны и корректны, задержало развязку до сих пор... Он сам уезжает окончательно. Что за омерзительное было зрелище, когда уполномоченный ходил перед отъездом по штабам вымаливать себе орденки и попутно зажрать остальной персонал... Если мне не удастся обеспечить себе весенний семестр, то... я пойду вновь на ратные дела, когда вновь зацветет белая акация и отсиживания в окопах будут проходить в воздухе, густо наполненном запахом кипарисов...»⁵ (от 29 декабря 1914 г.).

В начале года Юдин решает, что ему необходимо продолжить занятия на медицинском факультете, и просит восстановить его в числе студентов. В письме домой он сообщает: «Теперь скоро приеду в Москву. От двух товарищей, уехавших еще в начале декабря, получил известие, что в клиниках мои дела стали и что мне необходимо лично быть у ректора, декана и попечителя округа...»⁶

13 января 1915 г. датирован его рапорт ректору Императорского Московского университета: «Честь имею покорнейше просить Ваше Превосходительство об обратном зачислении меня в число студентов и о разрешении внести плату и записаться на лекции осеннего семестра 1914 года, объясняя, что мое отсутствие было вызвано тем, что я с разрешения Вашего Превосходительства находился на работе в действующей армии и ранее вернуться не мог из-за обилия медицинской работы, возложенной на меня, к чему прилагаю удостоверение военного начальства. Имею в виду заниматься весь весенний семестр, надеюсь выполнить и все работы, обязательные для осеннего. Бывший студент-медик Сергей Юдин» [3].

Он сдает часть зачетов и экзаменов за осенний семестр 1914 г. и весенний 1915 г.: хирургическую клинику у Спизарного, оперативную хирургию у Венгловского, акушерство и женские болезни у Губарева, а также гигиену, душевные и кожно-венерические болезни [1].

Весной 1915 г. С.С.Юдин возвращается на фронт, добившись перевода в 267-й пехотный Духовницкий полк (67-й пехотной дивизии), куда поступил тем временем его родной брат Пётр. Полк занимал позиции на реке Бзура западнее г. Жирардов (под Варшавой). Вот что вспоминал впоследствии П.С.Юдин: «В полку Сергей Сергеевич, со свойственной ему энергией и энтузиазмом развил бурную деятельность по своей прямой медицинской специальности, не ограничиваясь только лече-

⁴ Там же, л. 6–7.

⁵ Там же, д. 14.

⁶ Там же, д. 14, л. 24.



нием больных и перевозками раненых; последних в это время было немного, так как шла позиционная (окопная) война на временно стабилизировавшемся фронте. Сергея Сергеевича, единственного из врачей полка, часто можно было видеть в окопах на передней линии, где он знакомился с санитарным состоянием, бытовыми условиями и жизнью бойцов в окопах. Вспоминается один характерный эпизод, когда, заночевав у меня в землянке в первой линии окопов и обнаружив вечером при свете лампы малярийных комаров, Сергей Сергеевич немедленно наловил несколько штук комаров и в спичечном коробке при рапорте на имя главного врача полка (Стенцеля) представил это “вещественное доказательство” с указанием на необходимость принятия профилактических противомаларийных мер. Этому рапорту не было дано ходу, так как другие врачи полка запротестовали, опасаясь, что на них будет возложена обязанность выполнять противомаларийные мероприятия в зоне действия огня противника, куда эти врачи не имели большого желания выезжать. Несмотря на этот и ряд других конфликтов с врачами полка, которые, считая



С.С.Юдин — зауряд-врач

Сергея Сергеевича “беспокойным элементом”, сующимся не в свое дело, не могли все же не замечать, во-первых, активность патриотической работы Сергея Сергеевича на пользу Родине и, во-вторых, не в состоянии были не оценить начавшегося проявляться уже тогда хирургического мастерства и таланта молодого врача» [2].

Пётр Сергеевич замечает также, что личностью Сергей Сергеевич был для начальства неудобной, и главный врач возлагал на него самые неприятные обязанности, например, когда в полку по приговору военно-полевого суда приводилась в исполнение смертная казнь, Юдина посылали, чтобы констатировать факт смерти, а отказаться он, как человек военный, не мог. «Однако туда, где нужна была активная работа врача, Сергей Сергеевич вызывался идти независимо от сопряженной с этим опасности. Так, в мае 1915 г. командование приказало начальнику команды разведчиков полка произвести ночную вылазку и, преодолев проволочные заграждения противника, достичь немецких окопов, захватить “языка” (пленного) и живым доставить его в штаб полка для допроса. Такая активная деятельность Сергея Сергеевича не прошла незамеченной со стороны более высокого медицинского начальства, а именно дивизионного врача статского советника Чеважевского, который, ценя по заслугам работу Сергея Сергеевича, тем не менее, по-видимому, недолголюбивал его за “тяжелый характер”. Во всяком случае, особой привязанности к своим прямым начальникам у Сергея Сергеевича так же не было» [2].

Сам же С.С.Юдин в письмах к родным старается отметить боевую активность и отвагу своего младшего брата, чувствуется, что он безмерно гордится им.

«...Петя всеми, начиная с начальника дивизии и командира полка и кончая всеми офицерами, даже солдатами, отличен, как выдающийся и добросовестный офицер. На мои слова перейти в штаб дивизии, как ему предлагал на смотре начальник дивизии, он мне ответил: “А разве это не честь, что мне, щенку, командовать целой ротой против кого: не против какой-нибудь сволочи-австрийцев или турок, а против сильнейшей армии в мире, разве не честь, что мне Россия доверила больше версты своей границы против опаснейшего врага?!” Но несмотря на безукоризненную честность, он сознательно осторожен. Как-то раз он сам меня обругал, что я вышел из окоп и не нагибаюсь, заявив, что в настоящее время ни он, ни я не имеем права перед родиной рисковать попусту своей жизнью. 16-я рота, доблестным командиром которой состоит мой дорогой брат, — одна



из лучших в полку, солдаты Петю любят и слушаются, дисциплина отменная, это, во-первых залог успеха, а во-вторых, того, что и рота и командир будут целыми»⁷.

Свою же фронтовую жизнь Сергей Сергеевич вдохновенно расписывает как приятное времяпровождение культурного человека, не забывая уверять близких, что ему и Пете ничего не угрожает, что всем они обеспечены прекрасно. При этом с тревогой просит отца и мать удержать в запасных частях младшего брата Глеба, рвущегося в действующую армию (предчувствие Сергея Сергеевича сбылось – Глеб Сергеевич погиб в 1916 г., хотя и не от пули, а от тифа).

«...Окопы у нас изумительные: всюду ходы сообщения с блиндажами, брустверами, Петина землянка покрыта 4-мя рядами сосновых срубов, так что и снаряд не возьмет... чистый белый песок, будто просеянный, хоть в аквариум сыпь, сосновый лес, высокое место, словом, Петя говорит, что мы с ним живем как «в санатории». Пища отличная, ежедневно осматривается врачом и мною каждый третий день и нещадно бракую при малейшем подозрении, к тому же при всякой оказии я ношу ему всяких вкусных вещей (ведь Петушок наш, сами знаете – гастроном!!!), но он только бранится, заявляя, что к чему есть всякие колбасы и консервы, когда парного мяса вдоволь. Газету получаем из Варшавы в тот же день... Командир – милейший человек, симпатичный, воспитанный, образованный...»⁸ (от 17 июня 1915 г.).

Когда же оказывается, что пожелание Сергея Сергеевича побережь младшего брата невозможно выполнить и Глеб все же попадает в действующую армию, старший сын находит проникновенные слова, чтобы хоть как-то утешить мать и на правах много пережившего дает ей советы, как смириться с жестокой действительностью.

Несмотря на реалии военного времени, Сергей Сергеевич помнит обо всех событиях в родительской семье, беспокоится о здоровье родителей (в этом и других письмах есть строки, развенчивающие неизвестно откуда взявшийся миф о том, что Юдин из-за того, что выбрал для себя путь медика, рассорился со своим отцом), не удерживается от шутки в адрес младшего брата.

«Дорогие родители!.. Мы с Петей оба здоровы, чувствуем себя великолепно, чему способствуют великолепные известия из дома. Давай Вам Бог побольше меди, ну как себя чувствует папочка после поездки в Крым?.. Что же касается Юрия и его милитаристических наклонностей, то удерживайте его насколько возможно, если же ничего не удастся, то будем его устранивать в артиллерийскую бригаду на батарею, но лучше отправить его к Гале и купить ему велосипед... У нас здесь стало тихо. Стоим в ближайшем резерве, погода прямо роскошная, понемножку охочусь... Целую всех. С.Ю.»⁹ (от 23 апреля 1915 г.).

Пётр Сергеевич Юдин оставил свидетельства, что его старший брат был не только добросовестно исполняющим свои обязанности медиком, но и человеком высокой личной храбрости, который не пользовался доверием начальства, зато быстро завоевал авторитет у полковых товарищей. И все же он везде и всегда оставался прежде всего врачом. Сам С.С.Юдин через много лет вспоминал, как один из эпизодов фронтовой жизни стал для него связан с методом переливания трупной крови, который он ввел в практику в 1931–1932 гг.: «Случилось, что вместе со своими разведчиками отправлялся в разведку и Петя. Слов нет, трудно было мне, старшему брату, оставаться в блиндаже, когда младший шел на проволоку рисковать жизнью. Я хотел быть около брата, чтобы оказать ему помощь в случае ранения. Но, конечно, не это было главное. Звериное любопытство двадцатипятилетнего бойца побуждало меня самого не раз принимать участие в ночных разведках. На риск толкал меня и развитой охотничий инстинкт. Страшная мешанина чувств была тогда в моей душе: я чувствовал себя врачом, и охотником, и одновременно самой лакомой дичью. Я рисковал жизнью, и как этот риск тогда был не нужен... Брат, вооруженный винтовкой и ручными гранатами, вместе с двумя солдатами бесшумно перелез через бруствер. С ним в разведку отправился и я... Я не сразу сообразил, что потерял своих. Они должны быть где-то вправо. Я полз на локтях по жидкой грязи, как заблудивша-

⁷ Там же, д. 14, л. 12–16.

⁸ Там же.

⁹ Там же, д. 14.



яся ящерица, и пуше всего следил глазами, как бы не мелькнула, мерцающая искрой, взлетающая немецкая ракета... Есть ли за что укрыться? Или конец? Изнемогая, я полз наугад. И вот... взлетела роковая ракета. По месту, откуда мелькнула бледная полоса, я понял, что нахожусь вблизи неприятельских окопов. Меня пронзила мысль: «На это раз – конец!» Тридцать–сорок секунд действия ракеты показалось вечностью. Но при синеватом холодном свете магния я успел рассмотреть, что лежу под прикрытием трупа немецкого солдата. Шинель на нем после бесконечных дождей и высушенный заскорузла, дзбилаась странным горбом. Труп лежал ко мне спиной... Я приник к подогнутой здаи ноге убитого, и щека моя ощущала его жесткий сапог... Этот труп спас мне жизнь. Мог ли я думать тогда, что через пятнадцать лет другие трупы помогут мне спасты другие жизни сотнями?» [3].

По свидетельству П.С.Юдина, его брат пользовался большим уважением среди офицеров и солдат полка, он был на лучшем счету у командира полка (полковника А.А.Калиновского). Его приятелями стали капитаны Салтыков и Романов, поручик Закушняк – известный артист-декламатор, прапорщик Зубрицкий, офицеры 67-го артиллерийского дивизиона генерал-майор Мальковский, поручик Зенкевич. Пётр Сергеевич вспоминал: «Сергей Сергеевич был в полку тем, что называется, душой общества. Не было ни одной вечеринки, собрания, дружеской беседы, где бы Сергей Сергеевич не играл одну из первых ролей. Часто после ужина в офицерском собрании, когда полк находился в резерве, Сергей Сергеевич брал гитару и, сам себе аккомпанируя, пел с чувством цыганские романсы, великолепно имитируя этот своеобразный в то время жанр песни, очень нравившийся тогдашнему офицерству» [2].

В начале июня 1915 г. русские войска, находившиеся западнее Варшавы, начали отступать: им грозило окружение, поскольку немцы прорвали фронт северовосточнее и юго-восточнее Варшавы. В первом арьергардном бою под Пясечко (30 км юго-западнее Варшавы) Пётр Сергеевич Юдин был тяжело ранен в позвоночник. «Узнав об этом по полевому телефону, Сергей Сергеевич поскакал верхом на передовые позиции, осмотрел меня и счел необходимым немедленно эвакуировать в тыл. Надо было видеть, с какой энергией, преодолевая множество трудностей (в особенности из-за того, что шоссейные и железные дороги были забиты беженцами), Сергей Сергеевич доставил меня в Варшаву, а там добился получения отдельного купе в скором поезде, привез в Москву, поместил в госпитально-хирургическую клинику к одному из своих любимых учителей, профессору Мартынову и в тот же вечер, едва повидав в Москве родителей, выехал обратно в действующую армию, где его ожидала большая работа, из-за усилившегося во время боев наплыва раненых» [2].

Юдины ранением и боевыми заслугами Петра гордились, считая его доблестным защитником Отечества. Настроение семьи выразил Сергей Сергеевич в одном из писем к матери.

«Дорогая мамочка!.. Сердечно радуюсь успехам Наташечки, полный образ которой... ясно обрисовался... рисую себе картину, как по боковому проходу партера, при нестройных, но милых звуках настраивающихся инструментов идет моя Наточка, а за ней – украшенный боевой, яркой, как пролитая кровь, наградой молодой, стройный офицер. Ты – счастливая мама! Твоя заветная мечта сделать из твоих детей “людей” с каждым годом и днем все полнее и полнее осуществляется. Целую тебя и папочку. С наступающим ангелом его!»¹⁰ (от 29 сентября 1915 г.).

Среди забот военного времени Сергей Сергеевич радуется мирным успехам жизни родных и, как всегда, уверяет, что он великолепно устроился – есть возможность даже поиграть на скрипке и гитаре: для первой пришлось изобрести самому рецепт канифоли в военных условиях и к смычку добавить волос из хвоста своей любимой кобылы, а для второй в качестве струн использовать провода от телефонного кабеля. В письмах яркие образы сменяются изящными шутками, самоиронией и тонким юмором.

«В свободное время развлекаюсь игрой на скрипке и гитаре. Инструменты замечательные. Гитара куплена у беженцев, а скрипка – настоящий варшавский Steiner (цена – 10 рублей со смычком). Вместо струн – проволока от немецкого телефонно-

¹⁰ Там же, д. 14.



го кабеля. В связи с переходами скрипку придавили и в некоторых местах от нее отвалилась штукатурка, виноват — полировка. Сильно потрепанный смычок пришлось комплектовать хвостом моей сивой кобылы. Да вот беда: канифоли нет. Думал, думал и придумал. Стал натирать варом от карманной электрической батарейки. Правда, смычок стал медвежьего цвета, а звуки — коричневато-тусклые, но — ничего, даже могу рекомендовать как наилучший, — вар от элемента Titan... За струны не боюсь, так как немецкой телефонной проволоки у меня фунта два есть. Собираюсь реставрировать облезшую полировку скрипки и решил смочить сначала клюквенным экстрактом (*Extractum oxusocci*). Боюсь только, что звуки будут тогда до приторности кислыми. Успокоительно, что теперь сахару у нас стало вдоволь»¹¹ (от 12 сентября 1915 г.).

Он сообщает Петру Сергеевичу Юдину полковые новости, посылает ему в подарок трофейное ружье, немного завидует, что брат успеет отдалиться своей любимой рыбалке.

«...Если только у Вас такая погода, как у нас: ясная холодная осень, то, вероятно, ты обловился щук... За старшего у нас милейший молодой врач и все шло хорошо, пока меня не оторвали от полка и хотя временно, но назначили начальником дезинфекционного отряда 67-й дивизии. Конечно, числюсь в своем полку и даже, если возможно, живу в своем околотке, но жду не дождусь, когда вернется прежний врач из отпуска. Ну, как тебе нравится ружье? Попробуй его как-нибудь по уткам или вальдинедам. Сегодня была раздача Георгиев нижним чинам. Прошло очень торжественно»¹² (от 3 октября 1915 г.).

В минуты передышки между боевыми действиями и служебными медицинскими обязанностями Юдин не забывает о маленьких радостях жизни. Один польский помещик подарил Сергею Сергеевичу своего пойнера Альфу, которая до конца войны неотлучно его сопровождала. Молодому бойцу удавалось иногда выбраться на охоту с полковыми товарищами. Одну из таких минут он описывает в открытке к родным, пытаясь поделиться поэтическим настроением, в котором проступает печаль совсем юного человека, не уверенного в том, что завтра он останется в живых.

«...Вчера на охоте я сидел и слушал, как приближается гон. Глаза устали вглядываться в лесную чащу, чтобы не пропустить робкой лани или огненной яркой лисицы. В ногах у меня среди золотых опавших осин и кровавых лапчатых листьев оголенного клена сиротливо стояла веточка озябшего ландыша. Вон там рябина от ночных заморозков становится все ярче, а он, умирая и желтея от жестокой стужи, вспоминает ту волшебную картину, когда в теплую майскую ночь, под узорным, кружевным листом папоротника рядом с ним изумрудно-матовым светом горел светлячок, и ровный свет луны искрился в слезинках росы на каждом его белом игрушечном колокольчике... А теперь он отцвел и никому не нужен, ему холодно...»¹³ (от 8 октября 1915 г.).



С.С.Юдин (крайний слева) в перерыве между боями

Этот поэтический набросок украшен рисунком цветными карандашами — веточка ландыша, летящая между строчек синяя птица. Есть небольшой рисунок и на открытке Петру Сергеевичу — изящно выписанная тушка японка. На оборотной стороне другого письма-треугольника — кисть рябины, которая одна только радует глаз в середине октября, когда облетела листва. Но Сергей Сергеевич и тут находит положительные моменты, недаром его брат П.С.Юдин писал, что он был «всегда веселый и жизнерадостный» [2].

¹⁰ Там же, д. 14.

¹¹ Там же, д. 14, л. 19–20.

¹² Там же, д. 15, л. 2.

¹³ Там же, д. 14, л. 18.



«...Рябина. Единственно, что осталось у нас ярко, нет больше не только цветов, но даже золотой наряд лесов весь осыпался. Хороша ты, рябина на ветке, хороша и в варенье. Не дурна ты “Нежинская” Т-вого дома Петра Смирнова, но не хуже и N 23 Шустова на коньяке. Да и собственных лабораторий оказалась превосходной. Собираюсь приказать повару сделать настилы рябиновой. О результатах сообщу. С совершеннейшим почтением. Примите и прочее... Мамочку целую»¹⁴ (от 15 октября 1915 г.).

И только в письмах к брату прорывается порой отчаяние, досада, чувство безнадежности.

«...Опять положим свои силы и людей в чужой стране, в чужом корпусе! Пока что стоим в большой деревне, в приличной халупе на берегу “дивной” реки. Лови рыбу, пока ловится!»¹⁵ (от 26 октября 1915 г.). «Дивной рекой» здесь, по-видимому, из соображений конспирации именуется Неман.

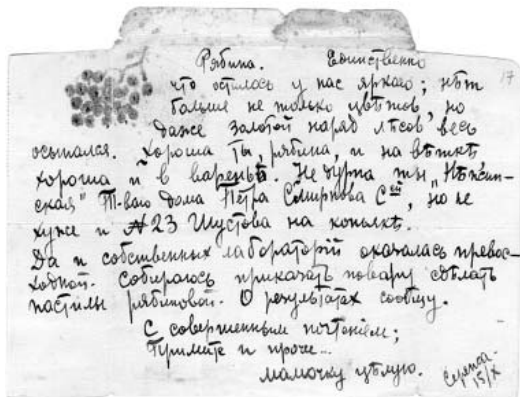
Но молодость берет свое, и в другом письме Сергей Сергеевич снова душой с родными, советует братьям почитать «Туннель» Келлермана, сообщает, что «моя Альфа очень умная, воспитанная собака»¹⁶.

До осени 1915 г. армия с боями отступала через Польшу и Белоруссию. 267-й пехотный Духовщинский полк останавливался на позиции по долине реки Скороново в 10–15 км северо-восточнее Барановичей. Снова началась позиционная (окопная) война с небольшими перестрелками и местными боями. Зимой 1915–1916 гг. 67-я пехотная дивизия временно находилась в резерве в тылу. В феврале 1916 г. Сергей Сергеевич, пользуясь возможностью получить полагающийся ему отпуск, пишет прошение о том, чтобы ему разрешили сдать государственные экзамены.

Юдин получает разрешение и едет в Москву, где сдает оставшиеся зачеты и экзамены, а 5 апреля 1916 г. председатель медицинской испытательной комиссии утверждает его «в звании лекаря с отличием со всеми правами и преимуществами законами Российской империи сей степени присвоенными» [3].

После отпуска он вернулся в свою часть, а 15 июля 1916 г., находясь на передовых позициях близ разрушенного и полусожженного селения Горное Скробово, был тяжело контужен разорвавшимся рядом с ним немецким снарядом. В момент взрыва Сергей Сергеевич шел по скрытому в земле ходу сообщения, соединявшему передовые окопы с тылом. Это уберегло его от осколков, но он потерял сознание, был засыпан землей. Оказавшиеся рядом солдаты помогли ему добраться до штаба дивизии, откуда он был отвезен в полевой госпиталь. После выписки из госпиталя С.С.Юдин получил отпуск на три месяца, который использовал для того, чтобы помочь в Никольской больнице А.В.Иванову, с которым позднее работал в Захарьинской больнице.

После возвращения из отпуска в действующую армию он уже не вернулся: из-за последствий контузии был демобилизован и направлен старшим ординатором 40-го и 39-го сводных госпиталей в Тулу.



Фрагмент письма С.С.Юдина родителям от 15.10.1915 г.

¹⁴ Там же, л. 17.

¹⁵ Там же, д. 15, л. 1.

¹⁶ Там же, д. 16.

Литература

1. Каликинская Е.И. Образы великих хирургов. — М., 2014. — С. 201.
2. Профессор И.Ю.Юдин и д.м.н. В.И.Юдин. Воспоминания о С.С.Юдине / <http://ikzm.narod.ru/Judine/2.htm>
3. Тополянский В.Д. С.С.Юдин. Воспоминания. — М., 2012. — С. 18–19, 24–25.